

Глава 56. Ночная охота в старшей школе

Выслушав рассказ Номера Пять, Ли Цзяньчуань помолчал мгновение, а затем протянул ему руку. Пятый, не колеблясь ни секунды, ухватился за неё.

Он ощутил лишь прилив невероятной, почти нечеловеческой мощи, передавшейся через руку. Ли Цзяньчуань рывком вздёргнул его вверх, заставляя буквально взлететь. Миг головокружительного вращения в воздухе — и Пятый с глухим стуком приземлился на бетон, вдохнув полной грудью поднявшуюся многолетнюю пыль.

Грязные ступни, перепачканные в крови и земле, мелькнули перед его лицом. Ли Цзяньчуань даже не замедлил шаг, направляясь дальше. Пятый поднялся, провожая его странным, глубоким взглядом, в котором читалось смешанное с удивлением уважение. Он выпрямился и посмотрел на сидящую неподалеку израненную Восьмую.

— Я не стану вас убивать, — бросил через плечо Ли Цзяньчуань.

Он как раз собирался выудить из груды хлама второй стул, но Нин Чжунь опередил его. Поднявшись, он уступил напарнику единственное целое сиденье, а сам совершенно бесцеремонно опустился на свежую и ещё теплую «мягкую подушку» — тело одного из охотников.

— Я тоже, — добавил Нин Чжунь.

Устроившись поудобнее, он лениво приподнял веки и улыбнулся. Но никто не осмелился встретиться с ним взглядом.

Восьмая, с трудом удерживая глаза открытыми, промолчала.

Номер Пять же серьёзно кивнул:

— С вашими способностями прикончить нас обоих разом было бы проще простого. У нас бы даже не хватило времени, чтобы выйти из игры до смерти. Я верю вам. Но мне интересно другое... вы нашли ответ?

Нин Чжунь ответил без колебаний:

— Нашёл. Но давать его пока рано. Нужно уладить одну проблему. Впрочем, это случится скоро. Очень скоро.

Он удовлетворённо хмыкнул:

— Кроме того, стоит поблагодарить покойного Номера Три. Он наглядно продемонстрировал мне, какими полномочиями обладает заместитель директора. Теперь мне будет легко поставить точку в этом деле. Но до тех пор мы подождём рассвета здесь.

Пятым в замешательстве нахмурил брови. Он стёр грязь с лица и негромко произнёс:

— Я понимаю, что мне не хватает ключевых фрагментов, чтобы увидеть цельную картину. Глядя на вас, я осознаю: то, что я искал, уже в ваших руках, и мне этого не достичь. И всё же я благодарен, что вы позволили мне дожить до момента, когда этот ответ прозвучит.

Ли Цзяньчуань почувствовал странный укол узнавания. Вглядевшись в лицо собеседника, он внезапно понял, откуда взялось это ощущение.

— Ваша организация — сборище форменных безумцев, — резюмировал он.

Нин Чжунь с недоумением поднял голову. Глядя на его лицо, Ли Цзяньчуань впервые осознал: оказывается, в этом мире есть вещи, о которых не знает даже таинственный и почти всеведущий доктор Нин.

Пятым же несколько не удивился словам Ли. Он мягко улыбнулся:

— Мы свято верим, что у всего в этом мире есть истинный ответ и доказательство истины. Мы верим в это и готовы подтверждать свою веру любыми способами, не считаясь ни с чем. В глазах большинства это, пожалуй, и есть безумие.

Ли Цзяньчуаню подобные тирады давно набили оскомину. Если бы эти люди не пытались раз за разом промывать мозги всему миру, балансируя на грани катастрофы, он, возможно, даже посочувствовал бы им.

— Значит, игра «Пандора» для вас — тоже способ поиска истины? — Ли попытался рассуждать логикой фанатика.

— Именно так, — кивнул Пятым. — С тех пор как мы узнали об этой неведомой угрозе, мы ни на миг не прекращали исследований. Мы убеждены, что правда о «Пандоре» сокрыта в этих бесконечных магических ящиках, в самой сути каждой разгадки.

В каком-то смысле цели Ли Цзяньчуаня и этих безумцев совпадали. Но доверять им он не собирался. Немного подумав, он спросил:

— В той погоне в Калифорнии участвовали ваши люди?

Пятым поднял взгляд и искренне ответил:

— Мы противники насилия.

Ли Цзяньчуань неопределённо повёл бровью, но развивать тему не стал. Нин Чжунь тоже хранил молчание — казалось, нужный ответ он получил из самого вопроса Ли.

Нин спокойно приобнял Ли Цзяньчуаня за шею, пропуская длинные пальцы сквозь его жёсткий «ёжик» волос, и с ленивым умиротворением уставился вдаль.

Прошло немало времени.

На горизонте прорезалась узкая белесая полоса. В одно мгновение из-за облаков вырвалось багряное солнце. Огненные и золотые нити сплелись в неопишное сияние новой жизни, разрывая пелену тьмы и проливая свет на землю. Лучи скользнули по заборам, по стадиону, по серым зданиям, миг скрывая следы кровавой ночи под яркой, обманчиво прекрасной оболочкой.

— Влюбленные должны целоваться на рассвете, — негромко произнёс Нин Чжунь.

Ли Цзяньчуань взглянул на него и, протянув руку, мягко повернул к себе его лицо за подбородок. Он заглянул в эти тёмные глаза, в которых не мог отразиться даже утренний свет. Выражение лица Ли оставалось холодным, но движения были исполнены нежности.

Он коснулся своими губами тонких губ Нина. Это был долгий поцелуй, в котором отчётливо чувствовался металлический привкус крови.

Наступил день, а вместе с ним пришёл и конец ночной охоты. Тот, кто заварил эту кашу — Номер Три — был мёртв. С первыми лучами солнца игра восстановила раны Восьмой, не давая ей погибнуть. Пятый же полностью раскрыл свои карты и смирился с ролью стороннего наблюдателя.

Но цепная реакция только начиналась. Утром Ли Цзяньчуаню пришло известие о смерти Лян Гуаня. Шёл уже четвёртый день игры. Лян Гуань испробовал все мыслимые уловки, но так и не смог спастись от Чжоу Мушэна. Как и его товарищи до него, он пришёл к неизбежному финалу.

Тем же днем

После обеденного перерыва выжившие учителя и студенты частной школы Фэнчэн — всего около сотни человек — по привычке собрались на восточном стадионе. Ли Цзяньчуаню и Нин Чжуню больше не нужно было скрывать свои личности от других игроков, им оставалось лишь следить за реакцией учеников, так что обстановка казалась почти спокойной.

Они смешались с толпой, встав в строй под аккомпанемент возбуждённого шёпота и щебетания студентов. Яркое, ленивое послеполуденное солнце заливало землю, воздух пах свежескошенной травой, а над головой раскинулось бескрайнее синее небо.

Ученики, пересмеиваясь, выстраивались в колонны. Учителя обменивались приветствиями, занимая места в конце строя. Всё выглядело привычно шумным и в то же время упорядоченным. Но Ли Цзяньчуань заметил одну странность: бодрый марш, который всегда гремел из динамиков после обеда, не прозвучал.

Громкоговорители молчали.

Построение закончилось. Более сотни человек замерли перед трибуной. Смех и шёпот постепенно стихли; люди погрузились в ожидание. Обычно в это время музыка обрывалась, и хриплый голос старого директора объявлял правила новой игры.

Но стояла тишина. Динамики, словно лишившись голоса, безмолвно нависали над площадью, холодным взглядом взирая на толпу. Тревожное безмолвие сгущалось. В лучах солнца, казалось, начало созревать нечто зловещее.

Ли Цзяньчуань незаметно отступил на полшага назад и коснулся запястья Нин Чжуня. Предчувствие беды становилось почти осязаемым, заставляя его внутренне напрячься.

Учителя и студенты на стадионе тоже начали проявлять беспокойство. Никто не решался заговорить, но люди тревожно переглядывались, сжимали кулаки и то и дело поглядывали на молчащие рупоры.

Завуч, следивший за порядком, заметно нервничал. Скрывая раздражение, он посмотрел на динамики, сделал успокаивающий жест толпе и уже собирался что-то сказать, как вдруг тишину прорезал треск статического электричества.

Лица присутствующих окаменели. Завуч так и застыл с поднятой рукой, напоминая нелепого манекена. Все взгляды устремились вверх.

После серии помех громкоговоритель всё-таки ожил, но вместо привычного голоса директора из него полилась лёгкая, медленная мелодия. У этой песни не было слов, только бездумное, мерное напевание, похожее на тонкий поток тёплой воды, вливающийся в уши и проникающий в самое сердце. Она несла в себе странное очарование, заставляя забытья и погрузиться в глубокое, почти наркотическое оцепенение.

— Колыбельная, — прошептал Нин Чжунь на ухо Ли.

Конечно, это была не обычная колыбельная. Ли Цзяньчуань до боли прикусил кончик языка, вырываясь из дурманящего плена мелодии. Для него, прошедшего специальную подготовку,

это не составило большого труда. Но для обычных людей задача была почти невыполнимой.

Напряжение и страх начали исчезать с лиц стоящих на стадионе. Вместо них проступили искренняя радость, восторг и какая-то лихорадочная, нетерпеливая готовность. Ли заметил: их взгляды были ясными и осознанными. Это не было обычным гипнозом — скорее, массовым заражением идеей.

Под звуки этой нежной мелодии ученики широко распахнули глаза и уставились в одну точку. А затем, взявшись за руки, они без всякого предупреждения сорвались с места и бросились в ту сторону.

Весь стадион пришёл в движение. Обезумевшая толпа неслась вперёд. Ли Цзяньчуань, не ожидавший такого поворота, едва успел схватить Нин Чжуня за руку и пристроиться в хвосте процессии.

Но именно потому, что они были последними, когда они завернули за угол учебного корпуса, перед ними открылась кошмарная картина. Здание общежития уже было охвачено яростным пламенем.

— О-о-о-о-о! — неслось со всех сторон.

— Горит! Горит!

— Не дайте им уйти! Сжечь их! Сжечь заживо!.. Смотрите, кто-то прыгнул! Растоптать его! Смерть ему!

Языки огня неистово плясали в воздухе. Толпа студентов, взявшись за руки, водила хороводы вокруг пылающего здания, восторженно крича и приветствуя пламя. Они бежали в экстазе, и отблески пожара на их улыбающихся лицах казались невыносимо жуткими.

Ли Цзяньчуань утянул Нин Чжуня за дерево, наблюдая за адом издали. Внутри горящего общежития всё ещё оставались люди. Он узнал их искажённые ужасом лица — это были те, кто первыми убежал со стадиона и успел войти в здание. Они не знали, что те, кто следовал за ними, заблокировали все выходы. А затем вспыхнул пожар.

Перед лицом мучительной смерти люди внутри наконец очнулись от наваждения. Они истошно кричали, плакали и бились в запертые двери. Створки содрогались под их ударами, но не поддавались.

Кто-то выбивал окна на втором этаже и пытался прыгнуть. Но едва эти несчастные касались земли, они не успевали даже подняться — их тут же накрывал вал ликующих «соучеников». Десятки ног с неистовством обрушивались на них, превращая людей в кровавое месиво.

Те, кто остался внутри, видели всё это. Выбора не было. Прыгнуть вниз и быть растоптанным заживо или остаться и сгореть в муках.

Проклятия, яростные вопли и стоны отчаяния доносились из огня. Но они не могли заглушить радостные возгласы и смех снаружи. Дети с улыбками на лицах кружились вокруг почерневшей от гари постройки, топчя тела и обугленную землю. Это было жестокое, безумное и по-своему счастливое действие.

Холодная, сюрреалистичная драма.

Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь стояли в тени. В какой-то момент нежная колыбельная в их ушах сменилась теми же воплями, что доносились из здания. Отчаяние и ненависть слились воедино.

Ли разжал челюсти; во рту разлился густой вкус крови. Он опустил голову, привычным движением достал откуда-то сигарету и закурил, пытаясь перебить этот запах.

— Пятый день близко, — негромко произнёс он.

Нин Чжунь кивнул. В его зрачках отражались лепестки огненного лотоса, пожирающего здание.

— Феномен отторжения, — бесстрастно заметил он. — Биологический механизм, заставляющий организм избавляться от чужеродных элементов. Люди — существа, которые меньше всего способны терпеть тех, кто на них не похож, хотя и любят разглагольствовать о терпимости. В обществе этот механизм работает куда сложнее и тоньше.

Он чуть повернул голову и улыбнулся:

— Но если кто-то решит упростить эту сложность и выставить правду напоказ... тогда каждая снежинка окажется виновной.

Ли Цзяньчуань промолчал. Неподалеку он заметил Пятого и Восьмую. Но никто из них не подал знака. Они просто молча смотрели на пожар, ставший финалом этой нелепой пьесы.

Когда занавес пал и музыка стихла, студенты, всё так же весело держась за руки, вернулись на стадион. На трибуне их уже ждал учитель Ван Минь. Он с мягкой улыбкой окинул взглядом толпу и провозгласил:

— Подойди, Чжан Мэнчао. Ты стал победителем в сегодняшней игре. Твой приз по праву принадлежит тебе!

Он поднял вверх чёрный ящик. К трибуне вышел щуплый, симпатичный паренек с застенчивой улыбкой. На его одежде всё ещё атели капли крови — брызги от тел тех, кого он топтал. Но его это, казалось, ничуть не беспокоило. Он спокойно поднялся по ступеням, принял из рук учителя коробку и скромно спросил:

— Учитель Ван, я могу открыть его прямо сейчас?

Улыбка на лице Ван Миня на мгновение исказилась, став похожей на гримасу. Но голос остался ровным:

— Конечно.

Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь переглянулись и замедлили шаг. Ли внимательно следил за реакцией мальчика. Чжан Мэнчао не колебался. С азартом ребёнка, распаковывающего подарок, он открыл крышку и заглянул внутрь.

Несмотря на то, что Нин Чжунь называл его гением, и несмотря на его безупречное самообладание, Ли всё же уловил момент. На долю секунды в душе Чжан Мэнчао появилась трещина. И из этой трещины пахнуло могильным холодом безнадёжности.

Он понял, что не избежит смерти. Даже при том, что правила дневной игры так и не были озвучены, победителем объявили именно его. Он был тем, кого выбрали заранее.

На этом дневные мероприятия завершились. Чжан Мэнчао в обнимку со своим чёрным ящиком вместе с остальными отправился в столовую. Вёл он себя тихо и после ужина спокойно вернулся в общежитие.

Восьмой час вечера был уже на исходе. Продолжать слезку Ли и Нин не могли, поэтому разошлись по своим местам в ожидании ужина.

Вечерняя трапеза не принесла сюрпризов. За столом остались лишь четверо игроков, уже определившихся со своей позицией. Ван Минь, исполнявший роль ведущего, окончательно лишился всяких эмоций. Даже его дежурная улыбка исчезла. Он молча ел и так же молча ушёл, не проронив ни слова.

Но под конец ужина Нин Чжунь вдруг произнёс:

— Сегодня ночью я найду Магический ящик и разгадаю тайну.

Номер Пять резко вскинул голову. Но Нин, не обращая внимания на мгновенно сгустившуюся атмосферу, добавил с изысканной вежливостью:

— Желаю вам сохранять ясность ума. И приятных сновидений. Доброй ночи.

Девять вечера

Ли Цзяньчуань лежал на своей кровати в спальне, стараясь сохранять бодрость и считая минуты. Но вскоре — то ли сказалось многодневное напряжение, то ли это тело было слабее его собственного — он сам не заметил, как провалился в глубокий сон.

За плотными шторами слышалось мерное дыхание.

В вязкой, непроглядной тьме дверь спальни медленно отворилась.

<http://bllate.org/book/15871/1502709>